

Дж. М.
Кутзее

Сцены
из провинциальной
жизни

Москва
2015

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44
К95

J. M. Coetzee
SCENES FROM PROVINCIAL LIFE:
BOYHOOD, YOUTH, SUMMERTIME

Boyhood. Scenes from Provincial Life. Copyright © J.M. Coetzee, 1997.
Youth. Scenes from Provincial Life. Copyright © J.M. Coetzee, 2002.
Summertime. Scenes from Provincial Life. Copyright © J.M. Coetzee, 2009.
All rights are reserved by the Proprietor throughout the World. By
arrangement with Peter Lampack Agency, Inc. 350 Fifth Avenue, Suite 5300
New York, NY, 10118 USA

Перевод с английского *Е. Фрадкиной*

Художественное оформление серии *А. Сауков, К. Терина*

Иллюстрация на суперобложке *К. Терина*

Кутзее, Джон Максвелл.
К95 Сцены из провинциальной жизни / Дж. М. Кутзее ;
[пер. с англ. Е. З. Фрадкиной]. — Москва : Издательство
«Э», 2015. — 544 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреа-
тов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-699-84834-8

Кутзее из тех писателей, что редко говорят о своем творчестве, а еще реже — о себе. «Сцены из провинциальной жизни», удивительный автобиографический роман, — исключение. Здесь нобелевский лауреат предельно, иногда шокирующе, откровенен. Обращаясь к теме детства, столь ярко прозвучавшей в «Детстве Иисуса», он расскажет о болезненной, удушающей любви матери, об увлечениях и ошибках, преследовавших его затем годами, и о пути, который ему пришлось пройти, чтобы наконец начать писать. Мы увидим Кутзее так близко, как не видели никогда. И нам откроется совсем другой человек.

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-699-84834-8

© Фрадкина Е., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Памяти Д. К. К.

ДЕТСТВО

1

Они живут в районе жилой застройки вблизи городка Вустер, между железнодорожной линией и Нэшнл-роуд. Улицы в этом районе носят название деревьев, хотя деревьев здесь пока нет. Их адрес — Тополиная улица, дом № 12. Все дома здесь новые и совершенно одинаковые. Они стоят на больших участках, разделенных проволочной изгородью. Почва красная, глинистая, и на ней ничего не растет. Во дворе за каждым домом находится маленькая времянка, состоящая из одной комнаты и уборной. Хотя слуг у них нет, они называют эти помещения «комнатой для прислуги» и «уборной для прислуги». Здесь хранят разные вещи: газеты, пустые бутылки, сломанный стул, старый матрас, набитый кокосовым волокном.

В дальнем конце двора они устроили загон для птицы и посадили туда трех кур, которые, как они надеялись, будут нести яйца. Но куры и не думают нестись. Дождевая вода, которая не может впитаться в глину, образует во дворе лужи. Загон для кур превращается в зловонную трясику. У кур появляются наросты на лапах. Больные и раздраженные, куры перестают нестись. Мать консультируется со своей сестрой в Стелленбосе, и та говорит, что они снова начнут нестись, если вырезать роговые наросты под языком. И мать зажимает одну курицу за другой между колен, давит на зоб, пока та не раскроет клюв, и ковыряется в их языках кончиком кривого ножа. Куры кудахчут и вырываются, выкатив глаза. Он дрожит и отворачивается. И думает о том, как мама шлепает бифштекс на барную стойку в кухне и

нарезает его кубиками, представляет себе ее окровавленные пальцы.

До ближайших магазинов нужно пройти милю по унылой дороге, по обе стороны которой стоят эвкалипты. Поскольку мать заточена в четырех стенах муниципально-го дома, ей остается лишь весь день заниматься уборкой. Каждый раз, когда дует ветер, под двери проникает желтовато-коричневая пыль, она просачивается сквозь щели в оконных рамах, под карнизами, через сочленения в потолке. Если ветер бушует весь день, у передней стены наметает горки пыли высотой в несколько дюймов.

Они покупают пылесос. Каждое утро мать таскает пылесос из комнаты в комнату, и он всасывает пыль в свое режущее брюхо, на котором улыбающийся красный гоблин скачет, будто перепрыгивая через барьер. Гоблин — почему?

Он играет с пылесосом: рвет бумагу и наблюдает, как клочки летят в трубку, словно листья на ветру. Или держит трубку над муравьиной тропой, и муравьев засасывает в пылесос, где они находят свою смерть.

В Вустере муравьи, мухи и нашествие блох. Хотя Вустер всего в девяносто милях от Кейптауна, все здесь гораздо хуже. Укусы блох образуют красные кольца у него на ногах, над носками, а там, где он их расчесал, возникают струпья. Иногда он не может спать по ночам из-за зуда. И не понимает, зачем им понадобилось уезжать из Кейптауна.

Мать тоже не находит себе места. «Вот если бы у меня была лошадь, — говорит она, — тогда я хоть могла бы ездить верхом по вельду». — «Лошадь! — восклицает отец. — Ты хочешь быть леди Годивой?»

Лошадь она не купила. Зато без всякого предупреждения она покупает велосипед — дамскую модель. Подержанный, черного цвета. Велосипед такой огромный и тяжелый, что когда он пытается прокатиться по двору, то не может крутить педали.

Мать не умеет кататься на велосипеде, быть может, она бы не сумела ездить и верхом на лошади. Она купила ве-

лосипед, полагая, что это будет просто, а теперь не может найти никого, кто бы ее научил.

Его отец не скрывает своего ликования. «Женщины не должны ездить на велосипеде», — говорит он. Мать по-прежнему ведет себя вызывающе. «Я не буду узницей, заточенной в этом доме, — говорит она. — Я буду свободной».

Сначала он думал: как здорово, что у мамы есть собственный велосипед. Даже воображал, как они втроем будут ездить по Тополиной улице — она, он и его брат. Но теперь, прислушиваясь к шуткам отца, на которые мать упорно отвечает молчанием, он засомневался. Женщины не ездят на велосипедах — а что, если отец прав? Если мама не может найти никого, кто смог бы ее научить, если ни у кого из домохозяек в Реюнион-Парк нет велосипеда — возможно, женщинам действительно не полагается ездить на велосипедах.

Когда мать во дворе одна, она пытается научиться ездить. Выпрямив ноги, она скатывается по склону к загону для кур. Велосипед опрокидывается. Она не падает, а только как-то нелепо раскачивается, вцепившись в руль.

Он чувствует приступ неприязни к ней. В тот вечер он присоединяется к насмешкам отца, сознавая, что это предательство. Теперь мама совсем одна.

Но она все-таки научилась ездить — правда, неуверенно, качаясь из стороны в сторону, с трудом крутя тяжелые педали.

Она совершает вылазки в Вустер по утрам, когда он в школе. Он только один раз видит ее на велосипеде. На ней белая блузка и темная юбка. Ветер развеивает волосы. Мама выглядит молодо, совсем девчонка — молодая, свежая и загадочная.

Каждый раз, как отец видит тяжелый черный велосипед, прислоненный к стене, он отпускает шуточки. Рисует картину, как жители Вустера бросают свои дела и стоят, глядя на женщину на велосипеде, которая с трудом едет мимо них. «Вперед! Вперед! — кричат они, подначивая ее. — Крути педали!» В этих островах нет ничего смешного, но они

с отцом всегда смеются над ними. Что касается матери, то она никогда не дает остроумный ответ — у нее нет находчивости.

— Смейтесь, коли вам угодно, — говорит она.

А потом в один прекрасный день, без всяких объяснений, она перестает ездить на велосипеде. Вскоре после этого велосипед исчезает. Никто не произносит ни слова, но он знает, что она потерпела поражение, что ее поставили на место, он знает, что отчасти это и его вина. «Когда-нибудь я ей это компенсирую», — обещает он себе.

Воспоминание о маме на велосипеде не покидает его. Она уезжает, крутя педали, по Тополиной улице, сбегая от него, стремясь вдаль, к своей мечте. Он не хочет, чтобы она уезжала. Он не хочет, чтобы у нее была своя мечта. Он хочет, чтобы она всегда была дома, поджидая, когда он вернется. Он нечасто объединяется с отцом против нее — наоборот, ему хочется выступать вместе с ней против отца. Но в данном случае он заодно с мужчинами.

2

Он ничем не делится с матерью. Его школьная жизнь хранится от нее в секрете. Он решил, что она ничего не должна знать, кроме оценок в таблице успеваемости за четверть, которые непременно будут безупречными. Он всегда будет первым в классе. За поведение ему всегда будут ставить «очень хорошо», а за успехи — «превосходно». Пока его табель безупречен, у нее не будет права задавать вопросы. Такой договор он заключает с самим собой в уме.

А в школе происходит вот что: мальчиков секут. Это случается каждый день. Мальчикам приказывают наклониться и коснуться пальцев ног, и их секут розгами.

Его одноклассника в третьем классе по имени Роб Харт учительница особенно любит пороть. Учительница третьего класса — легковозбудимая особа с крашенными хной волосами, мисс Остуизен. Каким-то образом его родители

знают ее как Мэри Остуизен: она принимает участие в любительских спектаклях и никогда не была замужем. У нее определенно есть какая-то жизнь за стенами школы, но он не может это вообразить. Не может представить себе, что у кого-то из учителей есть жизнь за стенами школы.

Мисс Остуизен приходит в ярость, вызывает Роба Харта с его парты, приказывает ему наклониться и сечет по заднице. Удары быстро следуют один за другим, розга едва успевает снова взмыть в воздух. К тому времени, как мисс Остуизен заканчивает с Робом Хартом, у него пылает лицо. Но он не плачет; возможно, он покраснелся только от того, что нагнулся. А у мисс Остуизен вздымается грудь, кажется, она вот-вот заплачет и очень взволнована.

После таких вспышек неконтролируемой ярости весь класс затихает, и в комнате царит тишина, пока не прозвонит звонок.

Мисс Остуизен никогда не удается заставить Роба Харта заплакать. Возможно, именно поэтому она и приходит в ярость и так сильно его бьет — сильнее, чем кого бы то ни было. Роб Харт — самый старший из мальчиков в классе, почти на два года старше его (он самый младший). У него такое чувство, будто между Робом Хартом и мисс Остуизен происходит что-то такое, во что он не посвящен.

Роб Харт высокий и красив какой-то бесшабашной красотой. Хотя Роб Харт не блещет умом, и, возможно, ему даже грозит опасность остаться на второй год, его влечет к этому мальчику. Роб Харт — часть мира, куда он еще не нашел дороги: мира секса и порки.

Что до него самого, то у него нет ни малейшего желания, чтобы его била мисс Остуизен или кто-нибудь еще. Сама мысль о том, чтобы быть высеченным, заставляет его корчиться от стыда. Нет ничего, чего он не сделал бы, чтобы этого избежать. В этом отношении он ненормален и знает это. Он из ненормальной и странной семьи, в которой не только не бьют детей, но и к старшим обращаются по имени, и никто не ходит в церковь, и каждый день носят обувь.

У каждого учителя и учительницы в школе есть розга, и они имеют право ее применять. У каждой из этих розог своя особенность, свой характер, которые известны мальчикам и которые бесконечно обсуждаются. С видом знатоков мальчики взвешивают особенности розог и качество боли, которую они вызывают, а также сравнивают технику владения ими учителей. Никто не упоминает о том, что это стыдно, когда тебя вызывают, заставляют наклониться и секут по заднице.

Поскольку собственного опыта у него нет, он не может принимать участие в таких разговорах. И тем не менее знает, что боль тут — не самое главное. Если другие мальчики могут вынести боль, он тоже может — ведь у него гораздо больше силы воли. Но он боится, что стыд будет так велик, так ужасен, что он вцепится в парту и откажется выходить, если его вызовут. А это будет еще больший стыд: такое поведение отделит его от остальных и настроит других мальчиков против него. Если когда-нибудь его вызовут, чтобы высечь, это будет такая унижительная сцена, что он никогда больше не сможет вернуться в школу. И в конце концов не останется ничего, кроме как покончить с собой.

Вот что поставлено на карту. Вот почему он никогда не издает ни звука в классе. Вот почему он всегда аккуратен, у него приготовлено домашнее задание и он всегда знает правильный ответ. Он не осмеливается допустить промах. Если он сделает промах, то рискует тем, что его высекут, и не важно, высекут ли его или он не дастся — он все равно умрет.

Странная вещь: нужна всего одна порка, чтобы нарушить гипноз ужаса, завладевшего им. Он прекрасно это понимает: если бы каким-то образом его удалось выпороть, прежде чем он начнет сопротивляться, если насилие над его телом совершится быстро, он сможет выйти из этого испытания нормальным мальчиком, способным непринужденно приступить к обсуждению учителей и их розог и различных степеней и оттенков боли, которые они вызывают. Но сам он не в состоянии преодолеть этот барьер.

Он возлагает вину за то, что его никогда не порол, на мать. Хотя он рад, что носит туфли, берет книги в публичной библиотеке и не ходит в школу, когда простужен, — все эти вещи его выделяют, — он зол на мать за то, что у нее ненормальные дети и она не заставляет их жить нормальной жизнью. Если бы главным в доме был отец, он превратил бы их в нормальную семью. Отец во всех отношениях нормален. Он благодарен матери за то, что она защищает его от отца, от его вспышек гнева и угроз выпороть. Но одновременно и зол на мать за то, что она превратила его во что-то неестественное, в существо, которое нужно защищать, чтобы оно могло жить.

Из всех розог самое глубокое впечатление производит на него не розга мисс Остуизен. Самая страшная розга — у мистера Лейтигана, учителя труда. Розга мистера Лейтигана не длинная и гибкая, какие предпочитает большинство учителей. А короткая и толстая — это скорее не прут, а палка. Ходят слухи, что мистер Лейтиган применяет ее только к старшим мальчикам, так как для младших это было бы уж слишком. Говорят, что с помощью этой розги мистер Лейтиган заставляет даже учеников выпускного класса громко плакать, молить о пощаде и позорно мочиться в штаны.

Мистер Лейтиган — маленький человек с коротко подстриженными волосами и с усами. У него не хватает одного большого пальца, на обрубке — аккуратный багровый шрам. Мистер Лейтиган почти ничего не говорит. Он всегда раздражен и отстранен, словно считает, что преподавать труд маленьким мальчикам — ниже его достоинства, и он занимается этим, переступая через себя. Во время урока он в основном стоит у окна, глядя на четырехугольный двор, в то время как мальчики неуверенно измеряют, пилят и строгают. Иногда у учителя с собой его толстая палка, и он постукивает ею по ноге, предаваясь размышлениям. Когда он обходит школьников с проверкой, то презрительно указывает на ошибки, а затем, пожав плечами, идет дальше.

Мальчикам разрешается шутить с учителями по поводу их розог. Фактически это единственная область, в кото-

рой позволяют небольшие вольности. «Заставьте ее петь, сэръ!» — говорят мальчики. Мистер Гауз делает быстрое движение запястьем, и его длинная розга (самая длинная в школе, хотя мистер Гауз всего лишь учитель пятого класса) свистит в воздухе.

Никто не шутит с мистером Лейтиганом. К мистеру Лейтигану питают благоговейный страх, зная, что именно он может сделать своей розгой с мальчиками, которые уже почти мужчины.

Когда отец и братья отца в Рождество собираются вместе на ферме, всегда заходит разговор об их школьных годах. Они вспоминают учителей и их розги; вспоминают холодные зимние утра, когда розга оставляла синие полосы на ягодицах, и тело несколько дней помнило жалящую боль. В их словах звучит нотка ностальгии и приятный страх. Он жадно слушает, стараясь оставаться незаметным. Ему не хочется, чтобы они повернулись к нему, когда возникнет пауза в беседе, и спросили, какое место занимает розга в его жизни. Его никогда не порол, и он очень стыдится этого. Он не может говорить о розгах так непринужденно и со знанием дела, как эти мужчины.

У него такое чувство, что с ним что-то не так. Ему кажется, будто что-то все время медленно рвется у него внутри — какая-то мембрана. Он изо всех сил пытался удержать этот процесс в рамках. Удержать в рамках, но не остановить: остановить его невозможно.

Раз в неделю он вместе со своим классом идет в гимнастический зал на физкультуру. В раздевалке они надевают белые майки и белые трусы. Потом под руководством мистера Барнарда, также одетого в белое, они полчаса скачут через коня, подбрасывают мяч или подпрыгивают и хлопают руками над головой.

Все это они делают босиком. Все дни до урока физкультуры он со страхом думает о том, что придется обнажить свои ступни — ступни, которые всегда прикрыты. Однако когда туфли и носки уже сняты, вдруг оказывается, что это совсем было не трудно. Ему просто нужно отделаться от

стыда, быстро раздеться, и его ступни становятся такими же, как у других. Где-то поблизости все еще маячит стыд, поджидая, чтобы вернуться, но это тайный стыд, о котором другим мальчикам никогда не узнать.

У него мягкие, белые ступни, в остальном они выглядят так же, как у всех — даже у тех мальчиков, у которых нет обуви и которые приходят в школу босые. Он не получает удовольствия от физкультуры и от раздевания перед уроком, но говорит себе, что может это выдержать, как выдерживает другие вещи.

Однажды маршрут меняется. Их посылают из гимнастического зала на теннисные корты, чтобы заниматься теннисом. Корты находятся не так уж близко, ему приходится осторожно ступать по тропинке, среди камешков. Под летним солнцем гудрон на корте стал таким горячим, что приходится перетаптываться с ноги на ногу, чтобы не обжечься. Он с облегчением возвращается в раздевалку и снова надевает туфли. Но к полудню он уже едва может ходить, и, когда мать дома снимает с него туфли, обнаруживается, что подошвы ног покрыты волдырями и кровоточат.

Он проводит три дня дома, выздоравливая. На четвертый день возвращается в школу с запиской от матери — запиской с негодующими формулировками, о которых он знает и с которыми согласен. Как раненый воин, снова занимающий свое место в рядах, он, хромая, идет по проходу к своей парте.

— Почему тебя не было в школе? — шепчут одноклассники.

— Я не мог ходить, у меня были волдыри на ногах из-за тенниса, — отвечает он шепотом.

Он ожидает изумления и сочувствия, но вместо этого видит веселье. Даже те из одноклассников, кто носит туфли, не принимают его историю всерьез. Каким-то образом их ступни тоже огрубели и не покрываются волдырями. У него одного мягкие ступни, а мягкие ступни, как выясняется, не дают права претендовать на исключительность. Внезапно он оказывается в изоляции — он, а вместе с ним и его мать.